

А. В. ФЛОРОВСКИЙ

Франциск Скорина и Москва

При изучении биографии Фр. Скорины до недавнего времени оставался вне внимания исследователей вопрос о том, учитывал ли Скорина при своей исключительной для того времени книгоиздательской деятельности возможности налаживания контактов с Москвой, с московским культурным и книжным миром, имел ли он в виду возможности использования и московского спроса на библейские книги. Между тем для положительного ответа на этот вопрос уже более ста лет назад был опубликован один очень показательный акт. Его напечатал еще в 1862 г. известный венский архивист И. Фидлер. С именем Скорины документ этот связал (правда, предположительно и без детального разбора акта) еще И. Первольф в 1888 г.¹ А затем пишущий эти строки снова извлек его из мрака забвения.² Однако в общий научный оборот эти данные до сих пор введены недостаточно.³ Это делает особенно интересным новейший опыт белорусского исследователя Сымона Браги.⁴ Его попытка извлечь из документа максимум положительных данных о связях Скорины с Москвой привлекает к себе особое внимание, хотя и требует некоторых оговорок.

Интересующий нас источник короток и ясен. Король польский и великий князь литовский Сигизмунд-Август в инструкции своему послу в Риме в конце 1552 г. — для иллюстрации общего своего утверждения о явной и постоянной вражде московского князя к Риму и католицизму — приводит один, очевидно хорошо ему известный и, по его мнению, вполне показательный факт. Еще при отце короля, т. е. при Сигизмунде I (1506—1548), один из его подданных — «во исполнение благого желания» — издал по-русски книги священного писания и затем направился к «мосхам». В Москве он, однако, натолкнулся на резкую вражду, его книги по приказу князя были сожжены, так как были изданы лицами, преданными римской церкви, и напечатаны в землях, находившихся в то

¹ И. Первольф. Славяне, их взаимные отношения и связи, т. II. Варшава, 1888, стр. 596—597, прим. 1.

² А. Флоровский. Skoryna et son activité parmi les slaves. — Bulletin d'information des sciences historiques en Europe Orientale, Varsovie, IX, 1—2, 1939, стр. 9—10; А. В. Флоровский. Чешская Библия в истории русской культуры и письменности. Прага, 1946, стр. 210.

³ Ср.: М. А. Алексютович. Скарына, яго дзейнасць і светапогляд. Мінск, 1958, стр. 49—50; С. Майхровіч. Георгій Скарына. Мінск, 1966, стр. 73 и сл.; Е. Немировский. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964, стр. 64—65.

⁴ Сымон Браго. Доктор Скарына ў Маскве. New York—München, 1963.

время под юрисдикцией Рима.⁵ Вполне естественно отнести это свидетельство к Фр. Скорине, ибо до 1552 г. в пределах польско-литовского государства русские книги издавал, как известно, только Скорина. В достоверности свидетельства этого документа нет особых оснований сомневаться, что С. Брага вполне основательно доказывает. И таким образом, открывается возможность положительно говорить о связи Скорины с Москвой, на которую, очевидно, он обратил внимание в интересах своего издательского дела.

Свидетельство грамоты 1552 г. нужно, конечно, несколько уточнить. И прежде всего в отношении хронологии. Если в ней имелся в виду Скорина, то самый факт установления контакта с Москвой надо было бы отнести скорее всего к концу двадцатых годов XVI в., во всяком случае ко времени после 1525 г., когда Скорина осуществил в Вильне издание Апостола и, вероятно, Малой подорожной книжицы. Поскольку речь идет об издании книг *in locis*, т. е. не в одном, а в нескольких местах (на это особо обращает внимание С. Брага) и при этом и в пределах польско-литовского государства, надо иметь в виду как пражские, так и виленские издания. Принимая во внимание, что уже в 1535 г. Скорина вторично появляется в Праге, из расчета надо было бы исключить последние 15 лет жизни короля Сигизмунда. С. Брага высказывается за отнесение связи Скорины с Москвой к 1525—1533 гг. Полагаем, что срок этот можно было бы сократить. Как известно, в 1530 г. Скорина был связан какими-то служебными отношениями с герцогом Альбрехтом Прусским. Далее, в 1532 г. Скорина состоял врачом и секретарем при виленском епископе и тогда же был как-то запутан в наследственные споры после смерти своего брата Ивана, что привело его на некоторое время в познанскую тюрьму. В 1532 г. он был взят под особое покровительство короля. Ввиду этого было бы трудно отнести попытку установить связь с Москвой к началу тридцатых годов; всего правдоподобнее было бы датировать ее 1525—1530 гг. Напомним, что именно в 1529 г. в пользу жены Скорины был решен затянувшийся спор о наследственных правах на дом в Вильне. Очевидно, в 1529 г. и следующих годах у Скорины было немало иных забот и занятий и едва ли оставалось время для московского предприятия. А как раз в 1525 г. Скорина закончил издание Апостола в Вильне и мог задуматься над тем, чтобы обеспечить сбыт и этой новой своей книги в Москве.

Как же именно надо себе представлять эту попытку? Из акта 1552 г. можно положительно заключить, что Скорина попытался распространить свои издания в Москве. Это было встречено весьма враждебно, и книги Скорины были преданы огню. Данный конфликт заслуживает полного внимания и учета в рамках истории отношений московского книжного мира к западноевропейским культурным веяниям и достижениям. Едва ли, однако, можно согласиться с С. Брагой, который представляет себе поездку Скорины как весьма громоздкую экспедицию со значительным запасом изданных им книг, с набором шрифтов, едва ли не со всем техническим оборудованием типографии и т. д. Иначе говоря, С. Брага допускает, что Скорина готов был организовать в Москве издательство и перенести туда свое типографско-издательское дело. Именно происшедшей в Москве катастрофой С. Брага склонен объяснять утрату всего

⁵ Для удобства читателя приводим здесь латинский текст этого известия: «...cum Divo parente nostro regnante quidam de subditis eius pio studio ductus sacram Scripturam lingua Russica imprimi et in lucem aedi currasset, et ad Moschos venisset, publice eos libros iussu Principis concrematos esse, propterea quod a Romanae ecclesiae addicto et in locis eiusdem auctoritati subjectis editi essent».

тиража книг Скорины и их сравнительную редкость, печальную судьбу его шрифтов и т. д. Но надо ли говорить, что все это лишь смелые допущения, для которых акт 1552 г. едва ли дает достаточно оснований.

Трудно было бы последовать за С. Брагой и в его соображениях о судьбе самого Скорины. Акт 1552 г. все же не приводит имени похавшего в Москву издателя. Нужно ли непременно предполагать, что это был сам Фр. Скорина? Нельзя ли допустить, что по его поручению в Москву ездил — может быть, и для предварительных переговоров — кто-либо из его сотрудников или сотоварищей по издательству? Необходимо напомнить, что во второй половине 20-х годов в Москве был виленский обыватель Борис Онков, финансировавший в 1517 г. и позднее пражские издания Скорины. Онков вел финансовые дела с некоторыми московскими боярами и князьями. Не мог ли он одновременно налаживать в Москве и какие-либо отношения в связи со своим участием в издательском деле Скорины? И не мог ли он быть тем польско-литовским гражданином, которого имел в виду в своем акте Сигизмунд-Август? Во всяком случае для категорического утверждения о личной поездке Скорины в Москву в 1525 и следующих годах наш акт все же надежным основанием быть не может. Не называя в акте имени Скорины, автор его мог иметь в виду поездку в Москву не лично доктора Скорины, но вообще представителя его издательского дела.

В связи с этим нужно сказать, что С. Брага вносит едва ли не слишком много динамичности и даже драматичности в эту историю столкновения Скорины с Москвой. Он допускает, что Скорину охранило от жестокой расправы с ним лично лишь то, что на него мог быть распространен подписанный в 1523 г. между Литвой и Москвой договор о перемирии — с оговоркой о взаимной охране свободы приезда и отъезда купцов. Но ведь поездка Скорины — в понимании самого С. Браги — далеко выходила за рамки торговых сделок и касалась совершенно иных обстоятельств, весьма остро затрагивавших не торговые отношения, но область веры и идеологии. При этом, безусловно, Скорина или его представители действительно столкнулись в Москве с резкой и острой враждой и сопротивлением. Это положение в общей конструкции С. Браги несомненно заслуживает полного учета и внимания, хотя нам и представляется, что он несколько излишне идеализирует якобы привычную для Скорины обстановку культурно-национального равновесия и веротерпимости в Литве. Думается, что С. Брага едва ли прав и в утверждении, что Скорина неожиданно для себя столкнулся в Москве с совершенно иной обстановкой, полной догматизма, вероисповедного недоверия и т. д. На Литве, конечно, хорошо тогда знали, как в Москве относились ко всем проявлениям западноевропейских культурных веяний, осложненных, с точки зрения московского правоверия, латинством и вольномыслием.

Надо положительно оценить, однако, те общие наблюдения С. Браги, которые касаются этого конфликта Скорины в Москве. Он правильно связывает этот эпизод и с историей преследования Максима Грека (как раз в 1529 г. и позднее), и с реакционной деятельностью митрополита Даниила и т. д. Для Москвы в книгах Скорины бросались в глаза и языковые особенности текстов, а как раз в это время особенно придирчиво относились к каждому исправлению традиционного чтения священных книг. Для Москвы могло быть чуждым и неприемлемым — до поры до времени — и самое оформление библейских книг в издании Скорины — с иллюстрациями необычного для московских читателей характера.

При всем том было бы ошибочно утверждать, что книги Скорины были в Москве неизвестны или не использованы. К сожалению, мы не имеем

до сих пор достаточных данных о том, как и через чьи руки попали в московские книжные собрания книги Скорины, ныне на Руси сохраняющиеся. Для этого надо было бы обследовать все известные экземпляры книг Скорины и изучить все пометы на них о бывших их собственниках. Увы, в известных мне экземплярах Государственной библиотеки в Минске нет вообще форзацев и вклеек, они были утрачены при разных обстоятельствах. Нет помет владельцев и на ряде экземпляров в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде. Таким образом, в отношении XVI столетия нам остается ссылаться лишь на Андрея Курбского, который не одобрял книги Скорины, как отравленные неким «жидовством».

Мы вообще далеко не богаты сведениями о жизни и деятельности Скорины и должны ограничиваться лишь весьма отрывочными сведениями о нем. Поэтому вполне оправдана попытка извлечь возможный максимум данных из доступных нам источников. Вполне оправданы и усилия дополнить скудные сведения источников рядом допущений и догадок. В отношении вопроса о связях Скорины с Москвой мы все же должны ограничиться констатированием лишь некоторых фактов. Нет сомнения, что Скорина попытался использовать и Москву для распространения своих изданий. Для этой цели он организовал посещение Москвы кем-либо из своих сотрудников и помощников, а может быть, съездил в Москву и сам. Было это осуществлено скорее всего в 1525—1530 гг. Но попытка Скорины как раз совпала с моментом, когда московский правоверный мир и руководители церковной его жизни вели широкую борьбу с внесением в московскую духовную жизнь каких бы то ни было новых элементов, что непосредственно касалось и традиционных текстов священного писания. Если при этом так тяжело пострадал Максим Грек, то репрессиям мог подвергнуться и Скорина, т. е. его книжное дело, как только сделана была попытка ознакомления с ним в московской среде. Таким образом, история отношений Скорины с Москвой входит в сферу борьбы московских охранителей правоверия с европейскими новшествами в области книги и церкви и должна быть определенно учтена и в истории московской духовной жизни.
